

18+

Ольга Красова
Гадко. Грустно. Глумливо

Сборник рассказов

Ольга Красова
Гадко. Грустно. Глумливо.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51327803
ISBN 9785449830449*

Аннотация

В сборнике разножанровых произведений автор угостит читателей эчпочмаком из тундровых уток, расскажет, что снится огородному пугалу, почему дарёному коню можно смотреть в зубы, кто на самом деле рисует морозные узоры на стёклах, откроет секрет, что и в аду растут ромашки и пошлёт всех к чёртовой матери – потому что бурить вредно! Книга содержит нецензурную брань.

Гадко. Грустно. Глумливо

Сборник рассказов

Ольга Красова

Фотограф Lin Yung Cheng

© Ольга Красова, 2020

© Lin Yung Cheng, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-3044-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белый танец

Муж стал курить по ночам.

Встаёт, идёт в гостиную, выходит на балкон. Прокуренный возвращается в постель. Прижимается ко мне. Откашливается в мой затылок. И наваливается. Секс снова стал регулярным.

В очередной раз, когда он пошаркал на ночной перекур, я скользнула к окну и всмотрелась.

И сразу увидела её.

В доме напротив. Обнажённая, крутобёдрая, лохматая,

она извивалась у окна, поглаживая себя по молочно-белому животу и дородным грудям. Упругим и мясистым, как тушки откормленных гусаков. Манила его, дурака, как блудливая сирена. И оттесняла меня, худосочную и плоскогрудую.

У меня никогда не будет таких бёдер. Такой белокипенной кожи. Я доходяга.

Когда свет в её окне погас, я юркнула обратно в кровать и притворилась спящей. Сейчас придёт муж, и я с благодарностью буду глотать кость, брошенную мне ундиной. Отправить ей коробку конфет?

Днём на перилах балкона я обнаружила подсохшие кляксы птичьего помёта. На полу клочки бумаги. Муж с ундиной организовали голубиную почту. Развернула скомканный бумажный шарик, лежащий на подоконнике. «Теперь твоя очередь» – говорилось в записке. Мой увалень сегодня дебютирует! Я расхохоталась.

Ночью, приоткрыв створку окна, я наблюдала, как неуклюжий супруг бился в конвульсиях неведомого танца. Дёргался, трясся, раскачивался. Я зажимала рот – так хотелось смеяться. Ундина аплодировала. Груды стучались друг о дружку.

Но с той ночи всё прекратилось: и перекуры, и танцы, и наш регулярный секс.

Она исчезла.

Еженощно мы заступали каждый на свои «посты». Но её окно чернело. Муж рычал от злости. Замкнулся и озлобился.

Я скрипела зубами от неутолённого желания.

Вскоре выяснилось, что в доме напротив мужчина выкинул из окна свою жену. Нагая, с развевающимися космами, она летела вниз, танцуя. Ветер выгибал ей спину в танго. Шлёпнулась на асфальт и застыла в уродливом арабеске.

Так зубоскалило моё воображение.

В тот же день я рассказала мужу о погибшей ундине. А ночью он вышел на балкон и больше не вернулся. Белый танец. Дама пригласила кавалера.

Я тоже танцую.

Для вдовца.

На свиданках.

Он смотрит и плачет. Его плечи вздрагивают в такт моим плечам.

Судный день

Скрипели карандашные грифели по ватману, откупоривались крышечки гуаши, беззвучно елозили кисти, въедчиво или широкими взмахами. Преподавательница кружка правополушарного рисования цокала шпильками между мольбертами, придиричиво косилась. Тонкая, прямая, с высоким рыжим хвостиком – сама похожая на беличью кисточку.

Сегодня они рисовали суда. Любое судно на выбор: подлодка, каноэ, круизный лайнер, шлюпка. Кроме, пожалуй-ста, больничных, хихикнула своей шутке «кисточка».

Один мужик яростно орудовал кистью. Сгорбленный, спина злая, и мазня у него выходила тоже злая: злые тучи, злой океан, злой Титаник, на носу которого две фигурки, мужская и женская. Видимо, сам художник, обнимающий, нет, сграбаставший за талию девушку – та сильно походила на их преподавательницу, рыжий хвостик колошматился ветром. Ради неё, наверное, и ходит сюда. На художнике массивные наушники, в которых шипят, рвутся наружу надрывные «анфоргивены». Первый, второй, третий, и заново.

Молодая парочка играла друг с другом в морской бой на ватманах. Эх, молодёжь! «Сосед» справа изобразил Ноев ковчег, как его курочит потоп. Все попарно, только слон один. Тычется хоботом в окошко, пригорюнился, слезами горю своему помогая, а волны вот уже почти проглотили нерасторопную слониху.

У кого-то Мазай спасает зайцев – они счастливо грызут морковки. У другого – Герасим обвязывает шею обреченной Му-му. Один старичок, тугоухий или непонятливый, или ностальгирующий по стационарной романтике, нарисовал-таки больничную «утку» в руках у дородной грудастой медсестры. У всякого есть своё судно, всякий нашёл свой курс.

Он посмотрел на свой мольберт и приуныл. Городской пейзаж. Две высотки, царапающие друг дружку параболическими антеннами. Во дворе лужа, в ней утленький бумажный кораблик в мутных дождинках. Так себе судёнышко. И ребёнок бы нарисовал.

– Хм. Мелко плаваете! – уничижительно бросила ему через плечо преподавательница и, виляя тощими бёдрами, направилась, должно быть, нахваливать Титаник.

Дарёный конь

Поношенными копытами, через тысячу вёрст, сёлами, озёрами, пнистыми вырубками, говорливыми базарами, гранитными погостами ступал конь. Не плутал – прямо шёл, упёрто. Дошёл до высоких кованых ворот, сорвал стебелёк, промеж зубов пристроил и тукнул копытом калитку.

Калитка гостеприимно отворилась. Мужчина, стоящий на пороге, озадаченно присвистнул:

– Вот те на!

Конь уверенно протопал во двор. Поднял морду и оглядел растерянного хозяина. Не старого ещё, крепкотелого и большерукого.

Мужчина пошёл обходом за коня, что-то в уме прикидывая.

Конь, польщённый вниманием, завертелся как цирковой. То одним боком к незнакомцу встанет, то другим. Копытами поцокает, гривой, льнущей к жилистой шее, тряханёт. А мужчина хмурится, коня оглядывает: понурый, сухощавый, шкура цвета ржави, поблекшая, грива в колтунах, куцехвостый.

– На красавца, косящего глазом у Петрова-Водкина,

не похож, Сивке-Бурке даже в дальние родичи не годится. Не строптив, как Буцефал. И тем паче не Пегас. Кабы не Троянский! Что за ханыга?

Конь обиженно всхрапнул. Стебелёк соскользнул с отвисшей губы и приземлился мужчине на сапог. Мужчина нагнулся, поднял его, понюхал.

– Донник... Не может быть!

Конь приблизился к мужчине и ткнулся мордой ему в грудь.

Настьке всегда нравились лошади. Мультяшные, плюшевые, медные. И настоящие, конечно. В детстве, наверное, отец катал её на спине. Гнулся колесом, чтоб она подсакивала, чтоб ей было смешно. Ржал и фыркал – чтоб как по-настоящему.

Я тоже её катал. И тоже фыркал и игогокал. Настьке было четыре, когда мы познакомились. Мне шесть. Оба приезжали на лето в деревню. Жили напротив.

Увидел её впервые, когда она скакала с палочкой на дороге перед домом. Морда лошадиная у палочки спереди, с мохеровой гривой. Смешно стало и жалко. Настьку. Ну что за игрушка? Попросил у деда дров, хотел коня ей сколотить. Дед прищурился, кепку мне сбил набекрень и поманил в сад. Распилили поваленную грозой яблоню. Точнее дед пилил, я рядом крутился. Выбрали колодку покрепче, и после обеда

принялись мастерить коня. Как стемнело, перебрались в дедову кузницу. К утру дед «подковал» коня колёсиками. Чтоб стучали приятно, если по щёбёнке или асфальту катить.

Коняга вышел статный, с резной гривой, осанистый. Не ломовой работяга – верховой, при грации. Красить не стали, отлакировали и отполировали. Бока особенно, до лоска. У носа дырочку просверлили, дед ремешок кожаный просунул, на манер поводьев. Как подсох скакун, дед сказал: «Ехай, прынец, дари сваво коня».

Я и «поехал». Запрыгала Настька на месте, в ладошки захлопала. Подкралась к нему осторожно, мышкой, не решается коснуться. Бока огладила и в морду как чмокнет, подевчачьи так. Я вмиг стушевался и попятился со двора.

– Покатаешь? – пискнуло мне в спину.

Обернулся – уселась уже на конягу и поводья мне тянет. Хитрющая.

Скакали по тропинкам, хохоча. Я голос надорвал, упражняясь в лошадином ржании.

– Как назовёшь? – спросил её перед уходом.

– А как тебя! – тут же выпалила.

Так «яблоневый» скакун стал Артёмом. Тёмычем. Настька, по рассказам её бабки, не расставалась с Тёмычем даже ночью. Подле кровати стоял, шугал Бабайку.

Пацаны, конечно, зубоскалили. Дескать, мелюзге сопли подтираю. Потом, как это водится, женихом и невестой обзывали. А пусть их! Втроём: она, Тёмыч и я чего только ни

делали! И рыбу ловили, и в индейцев играли, и сливы таскали у соседей. Тёмычу тоже нравились сливы. И ириски из бабушкиного буфета. Не больше одной в день, наказывала бабушка, а то зубы выпадут. Тёмычу можно, у него зубы крепкие.

– Вот вырастет девка, мы ей стригунка подарим. Варька наша всегда крепышей приносит. Хочешь, а? – ухмылялся мой дед, смоля самокруткой.

Я радостно кивал. Глядел, как Настька вприпрыжку бежит, а за ней Тёмыч, шурша колёсиками по щебёнке, и улыбался. И дед тоже. И в бок меня толкал.

Конечно, я и с пацанами околачивался. И с ровесниками, и с теми, что постарше. Настька не обижалась. И тоже водилась с девчонками. Им Тёмыч тоже полюбился. Все по очереди перекатались на его двужильной спине. Венки ему плели из одуванов, клевером кормили.

Как-то раз Настька подбила на спор: кто лучше Тёмыча нарисует. Вот чего я не умел, так это малевать. Но Настьке отказывать не хотелось. Мы сидели с Настькой на пригорке у озера, Тёмыч между нами. Не стеной. А потому что общий, как решила Настька. Его круп, гладкий и могучий, облепили божьи коровки. Целый рой! Друг на дружку даже поналезли. Красиво вышло и забавно. Вот мы с Настькой и давай малевать. Она всё дразнилась потом, хихикала. Мол, на рисунке моём Тёмыча не то краской облили, не то кетчупом. Ну не могу я каждую козявку выводить. Не такой я прилеж-

ный, как девчата. Я накалякал красным карандашом его задок и точек чёрных понаставил. Зато морда у меня лучше вышла, чем на Настькином рисунке! У неё Тёмыч уж больно на поросёнка походил. Но я не стал подначивать, похвалил рисунок.

А к Настькиному восемнадцатилетию дед сдержал своё обещание. Наша кобыла в конце прошлого лета разрешилась жеребёнком. Дед его весь год растил, радел и воспитывал. Крепкий парень народился и видный. Кирпично-рыжий, на солнце в бронзу отливают. Статный, бравый, толковый очень. «Для молодой девицы в самый раз скакун!» – с гордостью приговаривал дед, показывая мне своего подшефного. Бронзовый молодец описывал круги иноходью в паддоке, поднимая пыльные вихри. Грива по ветру вразлёт, хвост по крупу молотит – картинно очень, величаво. Как замороженные с дедом застыли, любовались по-молодецки несконванной его грацией и прытью.

Налюбовавшись, я побежал за Настькой. Та взволновалась, глазами заблестела, но расспрашивать не стала. Молча, взявшись за руки, шли к нам. Ещё не успев войти в калитку, услышали радостное, приветственное ржание. Стригун словно почувствовал новую хозяйку, словно отозвался. Настька, забавно взвизгнув, припустила во двор. Я за ней. Дед, попыхивая папироской, лыбился нам вслед.

И то прежнее детское знакомство повторилось. Настька с опаской, не боязливой – восторженной, вошла в паддок,

приблизилась к коню, огладила тугую его шею, запустила пальцы в густой загривок, а после чмокнула в морду. Конь фыркнул довольно, качнул головой и принялся обнюхивать белокурые Настькины волосы.

А я наглядеться не мог на девушку. Будто только сейчас понял, увидел, как она похорошела, расцвела, разругнилась. Я уже и сам не тот долговязый мальчишка с хохластой макушкой. Поширел в плечах, наел щёки, коротко остригся. Улыбка только осталась прежней – беглой и робкой.

– Как назовёшь? – вывалось у меня.

– А как тебя! – подмигнула Настька.

Задумалась на миг и добавила:

– Только пусть будет Артемий, по-старинному.

Конь притопнул копытом, мол, годится.

Артемий остался у нас. У Настькиной бабушки хозяйство маленькое, участок тесный – коню не разгуляться. Новоиспечённая всадница каждодневно приходила навещать Артемия. Дед научил обихаживать стригуна. Он же посадил её в седло, обучил всем премудростям верховой езды. Да только Настька точно родилась амазонкой. Точно вместе выросли с Артемием, с рождения друг к дружке пообвыклись. Артемий рос капризным и строптивым, но за Настькой ходил как привязанный. Истуканом стоял терпеливо, пока хозяйка его обмывала и чистила как следует. Не всхрапнёт, не дрыгнет ногой. Щипнёт разве что в плечо, мягко, губами одними. А Настька притворно строгой делается.

Следующим летом, когда Артемий ещё заматерел и окреп, мы с Настасьей седлали его уже вдвоём. Не часто, не длительно – кружок скорым шагом вокруг озера. Чтоб скакун не утомить. Спешивались потом, на берегу усаживались, а Артемий рядышком, травку щипал, да на нас косился – словно что-то улавливал, внятное его уму. Бывает, донник найдёт, обнюхает с упоением, ухватит губами и давай перекачивать во рту. Настька, когда к нам шла, всегда по дороге былинку эту срывала – улакомить своего причудника.

С приятелями мы тоже водились – я с пацанами, Настасья с девушками. На озеро общей компанией собирались, вечером в клуб на танцы. Парни на Настьку и раньше заглядывались, а как она всадницей «заделалась», так ухажёры косяками пошли. Что ж тут удивительного: дух перехватывало смотреть на них обоих, тандемом гарцующих. Но Настьке, казалось бы, все эти свидания и неинтересны были. Да и некогда. Хозяйственные хлопоты, сезонные страды, а досуг весь Артемию посвящался. Я и сам был не ходок по свиданкам: и своим старикам помогал, и Настинной бабке – она вдова уже давно, мужская подмога в хозяйстве иногда требовалась.

Дед вот только ковырнуть любил. Приведёт, бывало, Настька Артемия к нему в кузницу подковки новые сладить, затеет с дедом разговор, а я стою рядом, мнусь, будто чужой. Дед потом непременно, по старой своей привычке, в бок толкнёт локтем, а на ухо досадливо: «Эх, дурень ты».

А чего дурень? Когда гляжу на неё, так ничего, кроме сестринского расположения к себе и не примечаю. Она всегда смотрит на меня прямо, глаза не отводит, не смущается, щеками не рдеет. А в неловкость вгонять неуклюжими ухаживаниями я не решался. Видать, и правда дурень.

Скоро начались у обоих институты-сессии – по полям уже, как прежде, не наскачешься. Изредка переписывались с Настькой, учебными успехами делились, волнениями. А потом бабка Настина сдавать стала, её в город забрали. Артемий тосковал по белокурой наезднице своей. Я, когда стариков навещал, объезжал его – так он покладисто чересчур меня принимал, больше даже безучастно. И донник разлюбил. Сорву, протяну – равнодушно посмотрит и морду отвернёт.

А следующим летом Артемия в деревне уже не было... Дед из комода конверт достал и молча мне протянул. Я бегал глазами по размашистому Настькиному почерку и силился поверить в написанное.

– Из магазина вертаюсь – фургончик у калитки стоит. Особливый такой, коневозом зовётся, – рассказывал дед, когда я письмо дочитал. – а в доме уже Настасья с моей старухой и отцом своим чай гоняют. Говорит, не могу, дед Ильич, без сваво Артемия! И письмо енто тебе передать просила.

Вот уж никто не ожидал от Настьки такого сумасбродства! Коня в город привезти. Ну, пусть не совсем в город, а в загородное хозяйство. В письме Настька сообщала, что задумка

эта ей давно в голову вошла. А дома, когда из деревни вернулся, меня уже другой конверт ждал. С фотографией внутри. Настасья моя с Артемием, шею его обвила, улыбается. А у того травинка промеж зубов. На фотокарточке не разглядеть, но донник, должно.

А потом... Потом полетели годы. Переписка наша слабеет. В одном из писем Настька невзначай сообщила, что вышла замуж. А в последнем письме, что я от неё получил, была карточка – Артемий и славная белокурая девчушка в седле, так сильно походящая на Настьку, что в какой-то миг я чуть не поверил в машину времени.

Сам всю жизнь в бирюках обретался. А на пенсию вышел, и словно тягачом каким потянуло меня в деревню. Деда с бабой схоронили давно. Дом я отремонтировал, занялся и кузницей. В деревне теперь коттеджный посёлок. С хозяйством управляюсь, хоть и тоскливо одному, без хозяйки-то.

– Не бросают лошади своих хозяев. – заключил мужчина, глядя коню прямо в глаза. – Стало быть, вон оно как... Что ж, братец, пойдём, отдохнёшь с дороги, а потом уж я твоими копытами сбитыми займусь.

Борщ

Обеееедать! – позвала жена.

Обееее! Бее-ее-е! Прохор поскрёб кадык и послушным бараном побрёл на бляение жены. По обрыдлому коридору, мимо обрыдлого санузла, он волокся на обрыдлую кухню. Ссутуленный и окаймлённый всепроникающей обрыдлостью.

На плите диктаторствовал борщ. Кухню заволокло ядрёным свекольным духом. И чем-то выкислым, как будто бурдючным. Так обычно пахло Тамаркино брюзжание. Прохор поморщился. Ему показалось, что кухня поморщилась тоже. Сморщинулась четырьмя стенами, колыхнулась потолком, проскрипела паркетным полом. Даже окно презрительно хмыкнуло. А ведь Прохору ещё даже не наливали.

– Ну что встал-то? Как на эшафоте. – рывкнула Тамара, накладывая борщевую гущу в тарелку мужа.

Прохор икнул и сел за стол. Рядышком уже сидели внучки-близняшки, сосланные на побывку. Чернявые девчушки, обе на одну морду. Только одна кареглазая, вторая с голубыми глазами. Её-то как раз и недолюбливали. Ни в их роду, ни в роду зятя голубоглазых не рождалось. И пёс знает, от кого девчурка схлопотала голубые лупетки.

А пёс, пожалуй, и правда знал. Тузик, прихваченный довеском к хохотливым внучкам, отирался подле голубоглазой хозяйки. Приземистый, с рыжей клочковатой шерстью, брюхастый кабысдох сидел в ногах у девочки, терпеливо ожидая брошенную втихаря подачку.

Кареглазая возила по столу хлебные катыши и кидалась

ими в угрюмого деда. Но Прохор сидел с каменным рылом. Внучкины проказы ему тоже давно обрыдли. А сегодня как-то вдруг чрезвычайно. Голова его, под тяжестью затхлых мыслей и всё той же сокрушительной обрыдлости, медленно клонилась к столу.

– Смотри, рожу-то не ошпарь! – под носом у Прохора появилась тарелка со шкворчащим борщом. Тамара шлёпнула в неё густой плевков сметаны и вернулась к плите.

Прохор рассеянно смотрел в тарелку. Зернистая бордовая жижа смердела подгнившей свёклой и говяжьими буддыгами. Белоснежный сметанный островок растворялся в багровом вареве. Как последние надежды Прохора.

– Жри уже! Ишь, созерцает сидит! – верещала свиньёй жена. – Опосля любиться пойдём.

Резиновый кусок мяса закупорил глотку. Прохор закашлялся. Кареглазая внучка похлопала деда промеж лопаток. Тузик визгливо забрехал из-под стола. Его маленькая хозяйка выудила из дедовой тарелки сопрелый мосол и швырнула псу.

– Скоря на угрозы ваша бабка. – просипел Прохор, отдуваясь.

Кареглазка захихикала, показывая неприличный жест с хлопками ладонью по кулаку. Тамара беззлобно шикнула на башковитую внучку и загоготала в ответ.

А ведь когда-то он любил Томкин борщец. Жирный, пузырящийся, как болотные газы, запашистый. И ложка посе-

рѣдке колом стоит. Тычешь ею в борщовые недра, – а она, егоза мельхиоровая, знай себе стоит!

Вчера на площадке из Нинкиной квартиры тоже тянуло борщом. А как тянуло! Борщ вызывающе флиртовал, манил отведать его густоты. Но Прохор устоял. Потом всю ночь маялся. Соседкин борщ вероломно ворвался в его сон и могучим потоком влился в трепещущее горло.

Прихлѣбывая Тамаркин борщ, Прохор представлял: вот сейчас он встанет из-за стола, пойдёт в сортир и выблюет опостылевшую бурду в унитаз. Прополощет рот, приосанится, хлопнет дверью и позвонит в Нинкину квартиру. Нинка встретит на пороге с вожденной и многообещающей тарелкой. Зазывно отвесит серебряной ложкой Прохору по губе и проворкует что-нибудь этакое. Непременно ласковое.

Размечтался, беспутник! – Нинка вдруг заговорила Тамаркиным голосом. Прохор вздрогнул, виновато покосился на прозорливую жену и опустил ложку в борщ. «А ведь можно представить, что это Нинкин борщ!» – осенило Прохора, и он с вынужденным аппетитом набросился на варево.

Фаталь-морталь

Вот уже полчаса он наблюдал, как сидящая на лавочке фигура кормила хлебом птиц. Наблюдал и принюхивался. Свежие, ароматные буханки. Даже издали он видел, как мякиш плавился в руках «фигуры», послушно комкуясь. Она

не курочила буханку, а старательно лепила из мякиша шарики и бросала их в разверстые птичьи клювы. Голуби наелись до отвала первыми, мелюзга доклёвывала крошки. Запах свежеспеченного хлеба, размятого в вспотевших ладонях, привлёк и уток. Те, важно переваливаясь, обступали лавку.

Больше терпеть невыносимо, решил он и поднялся с лавочки напротив. Сел на корточки и, побрякивая, направился к раздаче хлеба. Втеснился между пернатыми едоками. Фигура, завидев «селезня», скатала мякиш размером с теннисный мяч и опустила на землю. Утки почтительно расступились. Мужчина, откусывая от катыша, поглядывал на дающую.

Лютая баба, показалось ему. Моторика, броски, взгляд – любовные, деликатные, а сама смурная. Как рыло магистрального паровоза. Такой предупредительно погудит, но переедет. Не та дамочка, что «мужиной» окликнет. Эта кулачищем в спину тукнет или «эй, ты» пробасит.

– Не обязательно прикидываться уткой, если хочешь жрать.

Вот он, предупредительный гудок. Или показалось?

Мужчина кивнул, выпрямился, облизал с губ крошки и сел рядом с женщиной.

– Хлеб что надо. Давно такого не клевал.

– И не поклюёшь. – гоготнула. – Я в пекарне работаю. Формовщицей.

Он всё кивал и косился на её руки. Они в первую очередь выдают возраст. Рассматривал, ища старческую «гречку», проступающие вены. Не находил: проворные руки, гладкие и могучие. По его разумению, уток в парках кормят разве что старухи, да простецкие бабы. А эта хоть и молода, но в запустении словно, и говорит будто гроыхает. Как суровые женщины нонномордюковского пошибу. А меж тем, тонкость в ней какая-то прячется.

– Когда-нибудь они так же будут бабу делить, тянуть каждый в свою сторону. – бесстрастно сказала формовщица через паузу.

Он заметил двух мальчишек, очень рекламогеничных, трёхлеток на вид. Они, вцепившись в пластмассовый грузовичок с обеих концов, вырывали игрушку друг у друга. Молча, надув щёки, растопырив маленькие пухлые ножки. Один, белобрысый и вихрастый, поднатужился и рванул машинку на себя. Та поддалась. Победитель звонко, как умеют только дети, захохотал. Проигравший, в джинсовом картузе, сосредоточенно рассматривал передние колёсики, оставшиеся от трофея в сжатых кулачках. Мальчишка смекнул, что автомобиль без них теперь, считай, инвалид, и захохотал тоже.

– Теперь оба довольны. – хмыкнул мужчина и покосился на собеседницу.

Та высокогрудно вздохнула, медленно и со значением выдохнула. Такой выразительный бабий вздох, подумалось ему, предвещает серьёзное откровение. Или заунывную исповедь.

Может, сослаться на дела и уйти? Был бы это мужик – разговор бы сразу сладился, без хождений вокруг да около, без вступительных вздохов. По стаканчику бы брякнули, да мякишем этим царским закусили. Эх!

Женщина многозначительно кашлянула – дескать, желает ли ты, незнакомец, таки послушать мою историю?

Ну не срываться же теперь с лавки? Он уселся в пол-оборота к собеседнице и сделал заинтересованно-сочувственное лицо. Та кашлянула ещё раз, кышнула на покрякивающих от нетерпения уток, руками развела: нет больше хлеба; они, ворча, выстроились гуськом и потопали восвояси.

– Муж мой полюбил меня, как сам признался, за роковую красоту. – начала свой рассказ женщина. – Чего ты ухмыляешься? Знаешь, какой я была, пока не завяла? Волосы смоляные, кудрями крупными, тяжёлыми. Глаза словно пьяные, с поволокой, алый рот приоткрыт (гайморит у меня был), смуглолицая и фигуристая. Ходила – как кошка кралась. Мурчала, когда гладили. Царапалась, шипела – когда против шерсти. Он и вообразил себе меня этакой *femme fatale*.

Любовь, говорил, у нас с тобой будет, как в кино! И сам всякий раз на кино равнялся. То свиданку романтическую где подсмострит, то постельную, прости господи, сцену, а то, бывало, даже и ссору. В любви признавался по-киношному: знаешь, как я тебя люблю? До луны и обратно. Тьфу, как в американских мелодрамах. И всё от меня ждал похоже-

го. Пощёчин звонких, осколков посудных, бровных зигзагов, поцелуев под обложными дождями. И платье – чтоб насквозь от дождя, непременно красное. Драмы ждал высоковольтной, знамо дело. А сам – обтёрханный, второстепенный будто. Но с марионетками своими ловко управлялся!

Один раз (уже к тому времени были женаты) спрашивает: а что станешь делать, если я тебе изменю? А сам аж слюну сглотнул от нетерпения. Ну, думаю, получай свою драму. И давай его вышучивать. Да так увлеклась, что сама себе и поверила.

Придёшь, говорю ему, с работы, с мордой сытого кота, обласканного. А от тебя духами женскими пахнет, дорогими. И губы припухлые от поцелуев потайных. В кресло сядешь, пока я хлопотать с ужином буду. Газету возьмёшь, но дремать начнёшь вскоре. Я фартук скину, из ящика нож возьму. Кошкой, по обыкновению своему, прокрадусь из кухни в гостиную и резким движением пырну гнусное твоё сердце. Ты глаза распахнёшь, а в них борьба боли с восторгом и изумлением. Я буду глядеть в них, тяжело дыша, и медленно, с упоением, прокручивать лезвие по часовой, нет, против неё, стрелке. Пока не раскрошу его. А ты так и останешься – с распахнутыми глазами на искажённом от экстатического страдания лице.

Я рвану нож из тебя, из твоего раскромсанного сердца, и облизну. Разденусь донага и вымажусь вся твоей горячей ещё кровью (на этом месте он аж завыл от драматического

апофеоза), даже в волосы вотру её. Позвоню в полицию, сообщу о случившемся. На трубке останутся красные отпечатки моих пальцев. Всё как ты любишь. Пока буду ждать полицию, включу твою любимую «Dirty Diana», стану под неё покачиваться и гнущься. Или... ну её к чёрту. Что-то ритмичное включу, электронное. И закручу нижний брейк. Представлю, как ты бы скривился, увидев, и захохочу.

– Ты сейчас смотришь на меня с теми же лукавыми бесенятами, что плясали в глазах и у моего дурака, когда я сочиняла ему эту вульгарную импровизацию. – усмехнулась рассказчица и прищурилась. А у самой во взгляде эти бесенята, но сникшие какие-то, съёжившиеся, хвосты прижавшие. Он сморгнул своих, головой мотнул, будто сбрасывая что-то пакостное, что без спросу пролезло.

– А дальше? Представился случай?

Она продолжила.

Пришёл он как-то с работы. Как и подобает образцовому свежесостоявшемуся прелюбодею, – принёс с собой густой удушливый букет чужого женского парфюма. И бордовый мазок помады под нижней губой. А сам – как ни в чём ни бывало. Песенку какую-то под нос себе воркует. Перекоцывался в домашнее – и в кресло. Голову набок склонил, как в дремоте, а глазами так и шныряет в сторону двери – мол, вижу я или нет. Понимаю ли его бесхитростные побуждения или нет.

– Выходит, он на следующий же день вам изменять побе-

жал?

– Я было тоже так решила, но... слушай дальше!

Подначивать меня он стал почти каждодневно. Всё по одному и тому же сценарию. Духи, всегда разные, помадовый «чмок», кресло, откинувшаяся поза и приоткрытые в надежде глаза. А я – словно мимо все его подначки: ужин готовлю, зову к столу, разносолы предлагаю. Он смотрит выжидающе, ищет умысел в моём лице, а я шмяк ему добавки, и лицо при этом у меня самое что ни на есть ясное, необеспокоенное.

А в лифте как-то с соседкой встретились, та и говорит: видела твоего в магазине парфюмерии, он в женском отделе духами на себя прыскал. «Не того» он у тебя, случаем, а? Не того, говорю, не переживай.

Он делался всё одержимее в стремлении вызвать у меня роковую ревность. Во сне выкрикивал женские имена. Я становилась для него то Ниной, то Катей, то Жанной – даже во время наших с ним страстных схваток. В машине из бардачка якобы случайно вываливались женские трусики. С ценником. Стал невнимательным. И очень жалким в этом своём абсурдном спектакле. Как бездарный актёр, забывший роль, изо всех сил старающийся выкручиваться. А суфлёра не было. Тогда я и решила: всё, хватит. Я сделаю это. Как раз в тот момент, когда очередные трусики шлёпнулись из бардачка мне на колени. Как сейчас помню – красные, отороченные чёрным кружевом. Я вертела в руках ценник и улыбалась. Жалостливо. И он в это миг понял, наконец, что я

давно раскрыла его ужимки. «Распродажа была» – выдавил и глаза отвёл. Суетливо скомкал трусишки, в карман засунул и глупо хохотнул.

«Мерзавец» – бросила я, чтобы ободрить его немного.

На следующий день, полная решимости, ждала его с работы. Даже нож в карман фартука заранее положила. А он не пришёл. И утром тоже. Я бегом в парфюмерный. Продавщицы плечами пожимают. Не было, мол, его вчера. Нам, мол, новинки женские завезли, мы на полочках расставили, приготовили, а он не пришёл.

На работе его нашла. В подсобке с реквизитом. На полу сидел, ноги-руки в стороны, а шея стянута, обмотана верёвками от куклы. Сама кукла на плече повисла. А я помню эту куклу – он сам её мастерил. С меня. Такая же черноволосая и волоокая. В красном цыганском платье. А на полу, в ногах, раскиданы другие его кralи, попеременные его фаворитки. У меня, жены, духу не хватило его из ревности изжить, а кукла, вон, смогла.

– Вы и правда считаете, что его убила кукла?

– Следствие по делу было. Куклу чернявую по допросам затаскали, но она молчала рыбой, плечом только подёргивала, точно пренебрежительно. Так ничего от неё и не добились. Закрыли, как самоубийство.

– Необязательно прикидываться спящим, если хочешь умереть. – заключил мужчина и усмехнулся собственной шутке.

– То-то и оно! Цыганочку эту я потом в мужниной могилке прикопала. Чтоб не так ему, балде, в посмертном эфирном колобродстве одиноко было.

– Всякому иной раз хочется, чтоб его как пластмассовый грузовичок делили, колёсики выдёргивали. Чтоб вот так в кресло сесть и пуговку на рубашке расстегнуть, слева на груди.

– Малодушество бесславное – вот что это. Думаешь, чего я тебе на уши-то присела? Чего ногой не топнула, когда ты уткой прикинулся? Мужа ты моего напомнил. Такой же непричастный. Неодушевлённый. Словно и не был никогда главным персонажем. По стеночке ходишь, в кадр случайно влазишь. И истории у тебя своей нет, как мне подумалось. Так пусть хоть моя теперь у тебя будет. Зашагаешь, может, шире. Встанешь со своих карачек, на которых ты ко мне вместе с утками заявился. Если надоест маяться беспарно, и деву встретишь хорошую – не кривляйся с ней, ни играй в кино. Мужик – что отмычка. Одна рука – гаечный ключ, вторая – замковый. Ты её отпереть должен, понимаешь, имярек?

Отпереть. Хм. Он раскинул руки на коленях, рассматривал их и усмехался. Вот его правая – гаечный ключ, разводной. Крепкая ещё рукоятка, разящая. С цепким уверенным зевом – он придал пальцам форму Пакмана, сомкнул и разомкнул воображаемые челюсти. Вот левая рука – замковый ключ-отмычка. Крутанёшь таким – не только ветхий бабкин

сундук отопрётся, но и банковский сейф. Он сплотил руки вместе, потёр их одна об другую, заставил схлестнуться промеж собой, после чего уронил на колени. Да ну, робокоп какой-то. Правильно фаталь-морталь сказала, статист он сопленосый, а не супергерой с руками-ключами.

– А если замок кодовый, а? – обратился он к рассказчице.

Пустота ответила ему хитрым прищуром и многозначительным молчанием. Он положил ладонь на то место, где сидела женщина, погладил – ещё тёплое, насиженное. Хлебные крошки, остатки птичьего пира, кучковались под скамейкой. Значит, не привиделось. Он огляделся по сторонам: парк обезлюдел, сжался весь, помрачнел. Как зрительный зал после низвержения занавеса. Больше никому неинтересно. Пора мчаться в гардероб, пока очередь не выросла в питона.

Он нехотя поднялся с лавки, больше с трудом, чем лениво. Словно услышанная исповедь о сослагательной чужой любви стала теперь его ношей, его заплечным походным рюкзаком. Он поднялся с лавки, чтобы завтра, послезавтра и в последующие дни снова на неё опускаться (никакого больше фиглярства с утиным «шагом»), снова складывать руки на колени, снова внимать этой, так неуклюже овдовевшей формовщице, снова вождедель её караваев.

Те же дети делили игрушки в парке, те же птицы, нахохлившись, караулили крохи, та же лавка, крепко врытая в землю, пригласительно пустовала и мужественно терпела капризные перемены погоды. Тот же он, с новыми уже мыс-

лями, новой жадой и новой, поднывающей тоской упрямо топтал тропинку, ведущую к знакомой скамейке. Присаживался, рассказывал никогда не перебивающей его пустоте свои выдуманные за ночь истории. Хвалился поднаторевшими «ключами», когда-то не могущими отпирать даже податливые замки безотказных тарифных девиц. Пустота, как ему казалось, одобряюще кивала и клонила свою крупную голову на его плечо.

О вреде бурения

Когда часто носишь каску – забываешь, как выглядит твоя причёска. Под ней, под каской, хочешь ты того или нет, рано или поздно развивается сплочённая экосистема. Борис всегда шёл против любой системы, против её среды обитания, против чужеродных живых организмов, населяющих её. Борис Вылез, он же крепкий Олежек, как его величали до операции по неперемене пола, всегда был бунтарём и ходоком наперекор.

Один рывок – и каска с громким хрустом долой с головы. Растревоженная экосистема посыпалась в урну. Борис удовлетворённо крякнул, выскоблил из каски остатки и останки некогда сплочённого единства, определил её на сгиб локтя и зашагал в сторону двери с надписью «парикмахерская».

– Кошмар ему приснился. – смущённо приглаживая вскосмаченные волосы, доложил Борису выходящий из па-

рикмахерской мужик.

Борис понимающе кивнул и вошёл внутрь. Снулый, прихрапывающий на ходу старик ткнул пальцем в единственное кресло. Борис уместился, покоряясь престарелому парикмахеру. Старый – значит, опытный, помнил Борис. Старик оросил из распылителя опрелые волосины Бориса, широко, с щелчком зубных протезов, зевнул, положил свою воробьиную головку на клиентову макушку, руками обвил его же шею и уснул. Голова его беспокойно ворочалась на темечке Бориса, нос сопел, губы причмокивали, выдували пенные пузыри или пускали скользкие тёплые струйки. Борис рефлексивно брыкнул ногой – старик, подслеповато щурясь, встрепенулся.

– Жена снилась. Дай, говорит, обниму тебя. И тянется, объятия пластает. А я... я отбиваюсь. Уйди, мол. – полусонно бормочет старик и всхлипывает.

Руки его водят по Борисовым вискам, макушке, затылку. Гладят, ощипывают лишнее, секущееся.

А мне, оказывается, идёт «под пажа», удовлетворённо кивает Борис своему отражению в зеркале.

– А ты, сынок, когда прощаешься по телефону с собеседником, ждёшь его ответного «бывай» или ложишь трубку после своего? – вдруг спрашивает старик. И смотрит испытывающе.

– Хм. Пожалуй, кладу сразу. Из-за шума, из-за грохота говорю только по делу и отключаюсь. Ни к чему лишние звуки.

– Лишние звуки, говоришь? Хе-хе. Лишнего ничего не бывает. Так-то. – веско шамкает старик и протягивает ладонь-ковшик.

Борис наполняет ковшик мелочью.

– Папаша, а где у вас тут можно потанцевать под Алексея Глызина?

– Везде! – угрожающе гаркает цирюльник и, похныкивая, ковыляет куда-то вглубь своего затрапезного барбершопа.

Помещение диско-клуба зыбится дёргающимися телами, принуждённым смехом и сигаретными кольцами. Алексей Глызин изводяще гнусавит из динамиков, теряя чувство меры.

Ты не ангел, но для меня, но для меня...

Ты стала святой!

Борис вторит припеву. Также самозабвенно. И тотчас замечает её.

Субтильная девушка с тугим президиумным «улеем» на голове и массивными патронташами на бёдрах и талии заказывает в баре пиво. С бутылкой направляется в сторону WC, откуда почти сразу выходит. Бутылка уже пустая. И так повторяется трижды. *Ты не ангел*, скулит Борис себе под нос, глядя на девицу. Глызин вселяет уверенность и оптимизм – Вылез шатко, но умышленно подходит к девице. То, что походило издалека на патронташ, оказалось приклеенными скотчем продуктами питания к телу девушки. Борис

разглядел бургер на ягодице, коробку лакричных леденцов – на второй, несколько упаковок плавленого сыра, опоясывающих осиную талию. Рядок свежих пончиков в разноцветной глазури кокетливо, как невестина подвязка, «утягивает» стройное джинсовое бедро незнакомки.

– Всё равно вся эта жратва тут осядет! – девица купирует застывшее в глазах Бориса Вылеза недоумение. Тут он вспоминает её хождение в туалет с пивными бутылками и розовеет лицом. Прежде ему не встречались барышни, играющие на опережение.

– Глаза у вас... такие!

– Шалые?

– Ага! Типовые.

Девица прыснула певучим ртом и поманила Бориса за столик. Познакомились. Она оказалась Раисой. Раей. Кем ещё она могла быть? Ну не Ольгой же, право слово! Вопреки своему заиндевевшему атеизму, в рай Борис вознамерился попасть сегодня же.

– Так вы бурильщик? – хлопала типовыми глазами Рая. Борисова каска сидела на её улее как влитая.

– В завязке. – потупился Борис.

Он с детства бурил, не помня себя. Дома, пока родители не видели. В школьном туалете во время уроков, за школой – на переменах. Под матрасом долгие годы таился его вдохновитель – учебник по физике, с закладкой на странице с правилом Буравчика. Позже Борис состоял в обществе аноним-

ных бурильщиков. Но бес толку. Сразу же после традиционного приветствия «Здравствуйте. Я Борис и я бурильщик», он, по старой привычке, обошёл присутствующих и раздал визитки «Бурение скважин на дому. Под (ковриком) ключ».

– Какое милое ребячество! – ворковала Рая. – Это ваша мальчишеская любовь к кладам, недрам, к скважинам.

О, да! К скважинам! – сглотнул слюну Борис, почувствовав неодолимый зов в чреслах. Руки, привыкшие к вибрации и дребезжанию, молотились по коленным чашечкам. Мысленно он уже входил в ворота рая, что гостеприимно распахнутся перед ним уже сегодня. Рая, где он сможет продемонстрировать своей новой возлюбленной все чудеса бурения: ударно-вращательное, дробовое, бурение с продувкой, гидродинамическое, вибрационное... На её самом чувствительном женском нерве отродясь никто так не играл!

– Вот! – Раиса отвязала бургер от ляжки и уложила в трясущиеся руки Бориса. – Займите свой рот.

Она всё поняла. Прочла в его выразительных муравьиных глазах. А в её глазах Борис прочёл обнадёгу. Он надулся морским ежом, припал на одно колено, простёр к Раисе руки и осмелился:

– Разведёшься со мной?

Веки шалых глаз сомкнулись в знак согласия. Певучий рот с придыханием молвил:

– Да, мой славный Борис-бурильщик! Забегу только в дамскую комнату на дорожку – вы много пива мне заказа-

ли.

Они (теперь уже оба) Вылезли из-за стола. За руки взялись. Раиса настояла на переплетении мизинцев. Красная нить Судьбы, всё такое.

– Бедные! Бедные-несчастные Миша и Жанна! – запричитала вдруг девушка.

Они остановились с Борисом у перегородки, разделяющей М и Ж, сверху которой висела табличка с картинками-указателями: фигурками мальчика и девочки. Борис вопросительно хмыкнул.

– Ты заметил, они всегда рядом, но никогда не смогут быть вместе? Давай им поможем!

Его сострадательная умница достала из клатча тюбик ярко-красной губной помады и мазнула между человечками жирный плюстик. Теперь сортирные человечки-указатели вместе навсегда.

Уже у писсуара Борис вдруг сник. Потом засуетился, завертелся волчком, руки ухватились за воображаемое шарошечное долото и начали дробить воздух. Это свиннее меня, застучало в его висках. Он заперся в кабинке, выудил из кармана складную буровую установку, выкрутил унитаз и принялся углублять разверстную зловонную дыру.

– Странно, что мы есть! – мечтательно произнесла Раиса в своей кабинке, выливая в унитаз содержимое пивного бокала. Пиво гулками бульками низвергалось в слив под напевное журчание воды в бачке.

Но Борис, спасающийся позорным подземным бегством, никак не мог её услышать. *Но для меня ты стала святой...*

Гага-гребенушка

На эчпочмак-фэст я приехал присмотреться к возможным конкурентам. Прадед мой – столбовой кебабщик, дед подна-торел на самсе, а отца чтили непревзойдённным шаурмистом. Я выбрал эчпочмак. Одна фонетика вызывает обильное слюноотделение!

На прогретом огнистым солнцем Анабарском плато, теснясь друг к дружке, набрякли разновеликие шатры понаехавших со всего мира эчпочмак-мэйкеров. Тут и эчпочмак по-китайски – с начинкой из богомоллов и дайкона, эчпочмак от гвинейских каннибалов Яли – из шведских туристов и тыквы, эчпочмак по-голландски – из обсахаренных тюльпанов и маринованных мандавошек, эчпочмак по-сицилийски – с аранчини и горячей лавой. Глаза разбегаются, желудочный сок закипает!

Моё внимание привлёк павильон чукотского эчпочмака. Принаряженная барышня-продащица с тонкими выбеленными волосами, облепившими толстощёкое лицо, старательно продемонстрировала мне свой меднозубый рот. «Эчпочмак из тундровых уток» – прочитал я на прилавке, и мне тотчас многообразно поплохело. Я и озлился, и опечалился зараз. Эчпочмак из гаги-гребенушки, увидел я и предобмо-

рочно качнулся.

Помните детский географический атлас в жёлтом глянце – «Мир и человек», 1988 года? Луноликие ребятишки на обложке, пацан с девчушкой, с глазами-пуговками? Мы изучали с ними звёздное небо, осваивали космос, узнали с какой стороны растёт мох, что такое годовичные кольца на деревьях и круговорот воды в природе.

Я показывал пеструшку-лемминга, ушастую круглоголовку, гагу-гребенушку своей тогда ещё сестрёнке-малышке. Она тыкала пальчиком в экзотичную птицу и беззубо, но звонко смеялась. Повторяла за мной: га-га. Да, гага-гребенушка стала первым словом моей сестрёнки. Или утка-мандаринка? Да какая разница!

А теперь эта лыбящаяся чукча с квашеной капустой на голове и зияющей сквозной в груди предлагает всякому залётному отведать ароматный эчпочмак с потрохами моего детства.

Какое святотатство!

Словно это моё детство издало предсмертный квохт, когда ему вертели голову. Словно это моё детство потом оципали и раскромсали в мясорубке.

Гага-гребенушка, согласитесь, достойна более опрятной смерти!

Я рванулся прочь. В подножье плато стлался тягучий туман, похожий на обезжиренную ряженку. Я закурил задумчиво и эффектно. Как сыщик из чёрно-белого кино. И запла-

кал каменнолице и бесхныканно. Как герои Стивена Сигала. Заключительно пыхнув, затушил землю о сигарету и вдруг увидел большой багровый шатёр.

Анти-эчпочмачная «Салон красноты» – прочёл я. И приписка: «Клиентам в красном вход беспристрастный». В дверях на фэйс-контроле громоздилось чучело Криса де Бурга.

Я хмыкнул, полез за бумажником, но метрдотель замахал руками:

– Вам бесплатно. У вас глаза кровоточат.

Он похлопал меня по плечу и повёл к столику под заунывное ободрение «Lady in red».

Принесли меню. «Остатки гадки!» – значилось на обложке. Комплексный обед предлагал суп из богомольев голов и черенков базилика, купаты из кадыков по-скандинавски, сезонный салат из дынных корок под луково-мандавощечным соусом, на десерт смузи из перьев и гребня га...

Да вы издеваетесь!?

Чёртова мать

Чёрный внедорожник, нервно петляя, мчался по полупустому автобану.

– Ты чего психуешь? – спросила девушка, мотаясь из стороны в сторону от маневров автомобиля.

– Пустая дорога же, повилять хочу. – капризно отозвался мужчина, но выровнял руль.

– Эй! – спустя паузу обратился он к спутнице, – Сейчас лес начнётся, давай остановочку сделаем, а?

– Тебе опять приспичило? – без энтузиазма ответила девушка, рассматривая свой мизинец с только что откусанным ногтем. – Не хочу. Поехали лучше.

– Да ладно тебе, по-быстрому?

– Отстань. – вяло бросила она и принялась грызть следующий ноготь.

– Ну зааай! – заканючил мужчина. Перехватил её руку с недогрызенным ногтем и прижал к своей ширинке. – Может, хоть в рот возьмёшь?

– Блин, да отвали. Пупсик, ты невыносим, когда хочешь трахаться. – она вырвала руку и продолжила заниматься ногтем.

– Упрямая стерва! – процедил мужчина. Достал из бардачка серебряную фляжку и сделал несколько отрывистых глотков. По салону расплылся сладковатый запах солода.

Начался лес. С обеих сторон потянулся бесконечной однотонной стеной. Мужчина с надеждой поглядывал на спутницу, постукивая пальцами по пряжке ремня.

– Да хватит долбить, не уломаешь. – усмехнулась девушка и закинула в рот розовый квадратик жвачки. – Давно бы уже сам справился. Могу руль поддержать.

– Да пошла ты на х... к чёртовой матери! – вспыхнул он.

– Сам туда вали, козлина! – огрызнулась девушка и надула розовый жвачный пузырь. Наклонилась к мужчине и лопну-

ла пузырь у него перед ухом.

Оба расхохотались.

Кончился лес. Резко. Будто выплюнул автомобиль из своих владений. Картинка сменилась, как в видеоигре. «Рендж ровер» смиренно катил по выжженному пустырю с редкими, вздрагивающими от лёгких порывов ветра колтунами перекати-поле.

– Что за дорога? Ты куда-то свернул?

– Ехал прямо... сама ж видела. – пожал плечами мужчина. – Вон указатель. Сейчас глянем, куда нас занесло.

Машина остановилась у покосившегося деревянного колышка с поперечной перекладиной в виде стрелки.

«К Чёртовой Матери» – приглашала табличка.

– Жсть! – хохотнула девушка и хлебнула из фляжки.

– Мотель, что ли? Давай завернём? Раз ты в машине не хочешь! – мужчина повернул руль влево.

Девушка показала ему язык и закинула пустую фляжку обратно в бардачок.

Внедорожник подкатил к некоему подобию забора, сооружённого из разнокалиберных автошин. Уложенные друг на дружку, неравномерно, но цепко прошнурованные между собой монтажным кабелем, шины образовывали столбики высотой примерно два метра. Из-за несхожих размеров шин, ограждение из таких столбиков зияло прорехами, сквозь которые ослепляющими всполохами выстреливали солнечные лучи. Вместо калитки – импровизированный шлагбаум

из ржавых фрагментов металлопроката.

– Что за долбаный цирк? – мужчина постучал кулаком по клаксону. Один. Два. Три.

К шлагбауму враскачку приближалась щуплая мальчишечья фигурка.

– Дождь будет. Сильный. Видишь, какие вздувшиеся тучи? Как мочевой пузырь от долгого терпежа. А с утра небо было чистое. Будто из ниоткуда набежали. – женщина вглядывалась в небо.

– Ливанёт, как при недержании! Да, мамк? – мальчик угодливо посмотрел на женщину и прыснул от собственной шутки.

Изо рта брызнули белые густые капли вперемешку с бежеватыми комками. Часть из них повисла на подбородке, часть медленно расплзлась по футболке. Мальчик суетливо обтёр подбородок рукавом, беспокойно поглядывая на женщину. Отправил в рот катыш халвы и с аппетитом присосался к остаткам кефира в стеклянной бутылке.

– Вот-вот приедут. Успели бы до дождя. – в голосе женщины чуть дрогнуло волнение.

– Приедут? – чуть не поперхнулся мальчик. – Разве не один или одна?

– Двое. – заключила женщина. – Тучи-то две. Ты невни-

мателен.

Мальчик насупился и задрал голову вверх.

– Это плохо, мамк?

– Смотря для кого.

Мальчик насупился сильнее, из-за чего его измызганная кефиром и халвой моська стала похожа на сушёный инжир.

– Мамк... а зачем они приезжают сюда? К нам то есть?

– Подрастёшь – поймёшь. – спокойно ответила женщина. В руках она держала сшитую из дерюжных тряпиц куклу, с рыболовными крючками, имитирующими маленькие рожки на голове. По-прежнему смотря в небо, она механически, но точно и уверенно набивала куклу рыбьими костями.

– Я уже взрослый! – пропищал мальчик. – Смотри, у меня даже усы выросли! Он вскочил со своего места, встал перед матерью и выпятил подбородок, демонстрируя широкие и кустистые кефирные «усы» над ним.

– Вижу-вижу. – Женщина посмотрела на чумазого сына, на его зарыганную футболку, на истоптанные кеды на вырост и усмехнулась. – Скоро доделаю (кивнула на куклу).

– Не надо мне кукол. Большой я. – мальчишка вернулся на место и ссутулился.

– Держи, готовая. – женщина как следует размяла тряпичную фигурку, распределяя набивку из костей по всей форме и протянула сыну. Мальчик повертел куклу со всех сторон, прогнул её в рыбьем хребте вперёд и назад и любовно прижал к уху. Сдавливая пальцами фигурку, мальчик от удо-

вольствия жмурился при каждом её хрусте.

За воротами требовательно рявкнул клаксон. Трижды. Мальчишка вздрогнул и посмотрел на мать.

– Приехали! Я встречу, мамк?

– Ну беги. Только не вздумай стрелять сигареты.

Мальчик скосомордился в щербатой улыбке и сорвался с места. На полдороге остановился и вернулся обратно на террасу. Расположил куклу в кресле и помчался к воротам. За пару метров до них он замедлился, засунул руки в карманы джинсов и медленно, вразвалку пошёл к шлагбауму.

– Эй, пацанчик! К «Чёртовой Матери» же сюда? – окликнул мальчишку водитель чёрного внедорожника.

Его спутница высунулась в боковое окно и с любопытством разглядывала мальчика.

Лет двенадцати на вид. Тощий, костистый, как на шарнирах – не ребёнок, а живые мощи. Круглое рябое лицо с вздёрнутым носом-пятакон и чёрными бойкими глазёнками. Джинсы-шаровары, растянутая, замызганная футболка, куртка-бомбер болотного цвета явно с чужого, взрослого плеча. Рыжие завитки волос, упрямо торчавшие в разные стороны и достающие почти до плеч, трепались от усилившегося ветра. По обе стороны рыжего кудрявого «одуванчи-

ка», ближе ко лбу, раскосо торчали вверх два небольших, заострённых рога.

Девушка чертыхнулась и скрылась в салоне.

– Точно по адресу! – пропищал Чертёнок, щурясь от ветра. Тёмно-серый хвост за его спиной, чуть длиннее ослиного, хлопал по ноге.

– Я смотрю, ты весь такой в образе! – осклабился водитель, подмигнув парнишке.

Мальчик с важным видом обошёл автомобиль, восхищённо воскликнул:

– Крутецкие шины! И диски. Новые?

– Первый сезон. А ты чего, разбираешься? – продолжал ухмыляться мужчина.

– А то! – с вызовом ответил Чёртик. Он приблизился к водительской дверце и остановился, разглядывая сидящего за рулём мужчину. Стройного, холёного, гладко выбритого метросексуала-шатена с градуированным каре. Чертёнок рассмотрел белоснежную, ниточка к ниточке, приталенную сорочку с платиновыми пуговицами. Подвёрнутые до локтей рукава обнажали совершенно гладкие руки. На запястьях вызывающе поблёскивали «ролекс». И рубашка и «ролекс» Чёртику приглянулись.

Мужчина достал из платинового портсигара фиолетовую сигариллу и пристроил в уголке губ. Мальчишка, не отводя глаз, сглотнул слюну.

– Тоже хочешь? – вальяжно спросил мужчина, протягивая

Чёртику портсигар.

Тот с опаской оглянулся на ворота, потоптался в нерешительности и замотал головой.

Мужчина усмехнулся и прикурил.

– Открывай шлагбаум и сам запрыгивай, – кивнул мужчина на заднее сидение, – Смотрю, у вас большая территория.

Чертёнок подхватился и припустил к воротам. Лязгнув рычажком – балка с противным скрежетом поднялась, открывая въезд. Автомобиль заехал на территорию и остановился.

– Охренеть! Тут и от «Ламборджини» резина! – мужчина рассматривал забор. От изумления его лицо глуповато вытянулось, нижняя челюсть карикатурно отвисла. – Постояльцев разуваете?

Паренёк смутился, почесал кудлатую голову и молча шмыгнул в салон. Устроился на сидении и блаженно растёкся на нежной мягкой коже. В салоне стоял густой и удушливый запах мужского парфюма. Ноздри Чертёнка защипало, конопатая мордашка сморщилась. Рот разверзся в преддверии оглушительного чиха.

– Эй, пацан! Даже думать не хочется, что может вылететь из твоей пасти! – беззлобно предостерег мужчину, наблюдавший спазматические кривляния Чёртика в зеркале. Его спутница звонко расхохоталась и обернулась на мальчика.

Чертёнок тихо взвизгнул. Перевёл выпученные от удивления глаза с девушки на её приятеля и наоборот. Дивясь

контрасту. Розовый ёжик в стиле гранж с наклоном вправо, левый висок причудливо выбрит, чёрные «сколопендры» бровей, макияж смоки айс и тёмно-вишнёвые губы, слишком пухлые, слишком жирные, как незастывший сургуч. Девушка насмешливо смотрела на Чёртика, перекатывая в приоткрытом рте жвачный комок.

– Вы оба... сюда? – выдавил из себя Чёртик.

Парочка рассмеялась. Девушка выразительно кивнула. Чертёнок хмыкнул и пожал плечами.

– Что, нравится? – девушка заметила, как парнишка рассматривал её розовую шевелюру.

Мальчик покраснел, опустил глаза и буркнул почти под нос:

– Мамке вряд ли понравится...

Мужчина обернулся назад и вылупился на Чёртика. Девушка вульгарно фыркнула:

– Твоей, что ли? А с какого хрена?

Чертёнок замялся, ещё сильнее покраснел, но решился поднять глаза на девушку.

– Мамка говорит, что у женщины должны быть длинные волосы. Их удобнее наматывать на кулак. Мужчинам такое нравится.

– Это тоже тебе мамка сказала?

– Я сам... сам видел. – почти прошептал Чёртик, хлопая рыжими ресницами.

Мужчина запрокинул голову назад и покотился со смеху.

– Видали сучонка? Подкованный на порнушке! Мы с Пупсиком как-нибудь без твоей матери разберёмся. – Девица прыснула и положила руку на дёргающееся от смеха колено Пупсика.

– Так ведь... – пискнул Чёртик, но осёкся.

Автомобиль остановился у двухэтажного дома. Компактного и приземистого, с квадратной террасой.

– Маловат для мотеля, – заключил Пупсик. – Тут точно есть номера?

– У нас всегда есть свободные! – заверил Чертёнок, выбираясь из машины.

Он чуть отстал от парочки, чтобы беззастенчиво любоваться крепенькой, но стройной фигуркой девушки. Она шла не спеша, будто нехотя, вихляя бёдрами и равнодушно осматриваясь. Чёртик замороженно усталился на её обтянутый голубыми джинсами-скинни зад. Красный флажок с надписью «Levis» на заднем кармане плавно, как яхта на волнах, покачивался вверх-вниз. Под этим же карманом в прорези выглядывал полумесяц загорелой ягодицы.

Ручонка одуревшего мальчишки невольно потянулась к источнику соблазна.

– Глянь-ка, он на твой бампер залип. Всегда тебе говорил, что он классный. – Мужчина оскалился в белозубой улыбке и стиснул ту самую, с флажком, ягодицу. Девушка хохотнула и бросила Чёртику через плечо:

– Ну шлёпни, раз так неймётся. А то слюни вон – до колен распустил.

Чертёнок снова залился краской, хлопнул носом и обогнал смеющуюся парочку. Молодые люди, отсмеявшись, оглядывались по сторонам. Мужчина не переставал удивляться окружающей обстановке: чудным сооружениям из шин, хаотично расставленным по территории двора; дорожке, вымощенной из автомобильных дисков, по краям которой громоздились неуклюжие конструкции из элементов автомобильной светотехники, оборудованные под уличные фонари-прожекторы. В качестве основного биологического компонента ландшафтного дизайна – кучные заросли клещевины и борщевика, заполонившие все свободные от «архитектуры» клочки пространства.

На террасе в бежевом автомобильном кресле, установленном на две шины, сидела женщина. Второе, такое же, пустовало рядом. Завидев прибывших, женщина медленно, царственно встала и спустилась по ступенькам навстречу.

Парочка, слегка опешив, остановилась. Чертёнок по-кошачьи льстиво приник к женщине, не переставая глазеть на розоволосую девицу.

– Добро пожаловать! – хлёстким, как плётка, властным и, в то же время, деликатным и любезным голосом женщина поприветствовала гостей.

Рослая, статная, плечистая, как гренадёр, с длинными

охристо-ржавыми волосами, прямыми и гладкими, как медная проволока, с меловой кожей на крупном скуластом лице. Карие, почти чёрные с красными зрачками глаза смотрели прожигаяще и внимательно. Хозяйка была одета в плотное, ушитое в талии, с драпированной юбкой платье из чёрной саржи, с воротником-стойкой. Наряд походил бы на костюм для охоты поздневикторианского периода, если бы не надетый поверх него тёмно-коричневый кожаный фартук с прямоугольными карманами, какие бывают у кузнецов или мясников.

– Дьяволица. – шепнула своему спутнику девушка, не отрывая взгляда от пары крупных, чуть клонящихся друг другу, будто отшлифованных до блеска рогов, венчавших рыжеволосую голову хозяйки.

– Атмосферно тут у вас, стилизовано, – нервно хихикнул мужчина.

Чертёнок хрюкнул и потупился. Женщина жестом пригласила гостей следовать в дом.

Ветер усиливался. Колошматил растительность, свистел в округностях шин и вертел-подбрасывал висевшую на террасе ветряную мельницу из оловянных шестерёнок и велосипедных цепей. Зубчатые колёсики, тараня друг друга и путаясь с цепями, тряслись как в ознобе и обиженно бряцали.

– Интерьерчик что надо! – неприлично присвистнул мужчина, увидев на террасе два автокресла. – Чей порш раздербанили?

Чёртик снова хрюкнул и захихикал, затренькал, как балалайка. Мать осадил его суровым взглядом. Мальчишка проскочил к двери и притулился у стены. Девушка нагнулась к одному из кресел и подняла с сидения пригорюнившуюся тряпичную куклу с острыми рожками.

– Твоя подружка, малыш?

Парнишка забавно нахохлился, надул щёки в детском гневе и вырвал куклу из рук девушки.

– Она не моя! – запальчиво выкрикнул и спрятал за спину.

Его рогатая мать усмехнулась.

Небо исказилось судорогой молнии, рыгнуло раскатами и хлынуло гремучим, яростным градом. Градины замолотили по земле, по дорожкам, крыше, по барабанным перепонкам и заросшим повседневной коростой мыслям.

Хозяйка решительно открыла дверь, призывая гостей переступить порог:

– Проходите. Внутри точно распогодится.

Её щедушный вихрастый сынишка засуетился, завертелся волчком, подталкивая притихшую парочку к входной двери. Розоволосая девица отпихнула руку мальчишки, подошла к краю террасы и вытянула руку наружу. Тут же, ойкнув, отпрянула.

– Стёкла какие-то с неба. – проворчала, стряхивая на пол вонзившуюся в ладонь градину.

Чертёнок незаметно поднял градину и принялся рассматривать. На костлявой ладошке лежал осколок от фарфоро-

вого кукольного личика. С частью носика-кнопки и капризными губками-«бантиками». Паренёк сунул осколок в бездонный джинсовый карман и юркнул за остальными.

– Ма, она похожа на Гвен Стефани! – шепнул матери, нагнав её у двери.

– Скорее на Пинк. – улыбнулась глазами и ущипнула сына за щёку.

– Джипарь мой не расхерачит ваш град? – опомнился мужчина и сделал шаг назад, к двери.

– Не переживайте. Отдайте мальчику ключи – он отгонит под навес. – повелительно сказала хозяйка.

– Сопляк умеет водить? Ой, пардон... – стушевался красавчик и кинул Чёртику связку. «Сопляк» ловко поймал ключи и протолкнул в карман.

– И град кончился! – воскликнула девица, обернувшись к окну.

– А долго никогда не идёт! – авторитетно ответил Чертёнок. – А ваше авто я всё равно отгоню. На стоянку.

Мужчина подмигнул и показал большой палец.

Прибывшие осматривались в прихожей. Обычная прихожая обычного дома. Деревянная лестница, ведущая на второй этаж, открытая дверь в гостиную. И узкий коридор.

Уводящий куда-то.

– Где тут ресепшн? Пацанёнок сказал, что у вас полно номеров. Нам бы с двуспальным траходромом. Необязательно кинг-сайз. – мужчина деловито достал бумажник и выжидающе посмотрел на медноволосую хозяйку.

– Бумажник уберите обратно, он вам не нужен. Мальчик проводит вас в мужское крыло, а я провожу девушку в женское. – бесстрастно ответила Хозяйка и повернулась к вмиг погрузневшему сыну.

– Не понял. Мальчики налево, девочки направо? Это общага? Или община? – завёлся мужчина.

– Ни то, ни другое. – спокойно ответила Хозяйка. – Здесь такие правила.

– Херня какая-то. Ну нет у вас двухместного, давайте одноместный, нам переночевать. Утром свалим. Да, детка?

– Я с Пупсиком не расстанусь! – девушка встала за спиной спутника и обвила руками его талию.

– Нахера одного туда, другого сюда? Мы по-тихому, сильно шуметь не будем.

Девушка развязно рассмеялась и чмокнула мужчину в выбритую щёку. Чертёнок обиженно скуксился, сжал маленькие кулачки.

– Там, откуда вы приехали, вы всегда вместе? – от колкой интонации в голосе Хозяйки парочка вздрогнула.

– Ну... – оторопел мужчина. – Всякое бывает...

– Вот и здесь так: всякое бывает. Как в жизни.

– Если свезёт! – подал голос Чёртик и балалаечно залил-

ся. Мать отвесила ему шуточный подзатыльник. Парнишка умолк, давясь беззвучным смехом.

– Там, откуда вы приехали, – продолжала женщина, – вы тоже перемешиваетесь, чтобы потом встретиться или пройти мимо. Каждый приходит из толпы, потом снова уходит в неё. Как и здесь: захотите – встретитесь, а нет – пройдёте мимо.

– Похоже, тут реально какой-то тематический расколбас, типа костюмной вечеринки. – приободрился мужчина.

– Вечеринки каждый день! – хитро прищурился Чертёнок.

– Глянем, детка, что они тут замутили, а утром уедем.

– Как скажешь, Пупсик, хотя всё это странно...

Молодые люди расцепили объятия. Женщина повела девушку по узкому коридору вглубь дома. Мужчина прокричал вдогонку:

– Детка, я тебя найду!

Девушка шла за Хозяйкой, боязливо оглядываясь по сторонам.

– Не волнуйтесь, никто его не съест.

– Странно у вас всё, стрёмно. Дом этот, шины повсюду, антураж этот ваш... чертовщина. И подвал. – девушка заметно нервничала.

– Какой подвал? – Хозяйка полуобернулась на гостью.

– Ну мы же куда-то спускаться будем. Других комнат у вас тут нет.

– Не бойтесь, не в преисподнюю. – женщина озабоченно

нахмурилась.

– Кстати, от вас приятно пахнет. Нежно даже. – девушка впервые улыбнулась.

– Почему «кстати»? По-вашему, чем от меня может пахнуть – серой? Это «Angel innocent», Мюглер.

– Не знаю такого. Вот Пупсик от брендов прётся, а мне фиолетово.

Мгновение спустя Чертёнок повёл по тому же коридору мужчину. Они остановились перед металлической решётчатой дверью – кабиной лифта.

– Лифт в этой халупе? И куда он привезёт?

– Вниз. Под землю. – деловито ответил Чертёнок и нажал красную кнопку.

– Мать его, бункер? – присвистнул мужчина.

Кабина, сколоченная, спаянная из автомобильных днищ, фрагментов дверей и крыш, арматуры неизвестного происхождения, дребезжа, поползла вниз. Мужчина, продолжая присвистывать от удивления, перечислял себе под нос марки автомобилей, по его мнению, задействованных в строительстве самопального лифта.

Ехали медленно. Наконец кабина остановилась, грохнув звуком гигантской выхлопной трубы. Мужчина матюгнулся и вздрогнул. Чертёнок тихонько затренькал в кулачок. Дверь с гроыханием отъехала в сторону, выпустив пассажиров.

Коридор со стенами, обшитыми резиновыми автомобильными ковриками, разветвлялся на несколько переходов.

Каждый из них преграждала решётка с массивным замком.

– Что за помещения? – мужчина растерялся.

– Женское крыло, мужское крыло и... и остальные. Нам туда! – кивнул Чертёнок налево и поманил мужчину за собой.

Отпер одну из решёток, они миновали узкий коридор и остановились перед очередной металлической дверью. Мальчик хрустнул ключом в замке, оттолкнул скрипучую дверь, пропуская мужчину:

– Любая свободная комната. Из тех, что с открытой дверью.

– Мать его, гетто! – услышал Чёртик очередное восклицание с присвистом и захлопнул за мужчиной дверь.

Поднялся наверх и вышел на улицу. Мать прибирала двор после распоясавшегося града, выметая фарфоровые градинки.

– Отвёл? – не оборачиваясь, поинтересовалась.

– В лучшем виде! – отрапортовал Чертёнок. Ковырнул нос и в нерешительности остановился на террасе. Его подмывало спросить у матери про девушку, но он колебался. А по её затылку понять не мог.

– Ну что ты измаялся? – женщина, по-прежнему не оборачиваясь, спросила. – У меня тоже всё в лучшем виде. Отвела твою Гвен-Пинк.

Чёртик скривился в неуклюжей ухмылке и, подбросив связку с ключами в руке, полез в автомобиль. Распростёрся

на водительском сидении, похлопал по рулю, погладил обивку, скорчил серию смешных рожиц в зеркало и полез в бардачок. Вытащил портсигар с пахучими сигариллами, прикурил одну и со вкусом затянулся. Мать спиной к нему, не видит.

Отогнал машину за дом, с блаженством докурил, определив портсигар в свой безразмерный карман, и вылез наружу. Бесконечный пустырь, простиравшийся от заднего двора, на несколько километров вперёд был заставлен-завален старыми и новыми автомобилями, целыми и частично разобранными. Тут же валялись каркасы велосипедов и бесколёсные байки. И шины... ровными стопочками, кучками, рядками.

Инсталляциями.

Мальчишка приволок домкрат и примерился к колесу. Несколько раз обошёл внедорожник, постоял, почесал голову и отложил домкрат в сторону. Решительным шагом, почти бегом покинул пустырь.

– Так быстро разобрал? – удивилась мать. Она уже сидела на террасе и пила чай.

– Завтра разберу. Спину ломит. – Чёртик демонстративно закричал и осторожно опустился в кресло.

– Заварить тебе борщевика?

Мальчик, прикрыв глаза, мелко закивал.

Он шевелил мозгами, маленькими, детскими, но уже проворными и сметливыми. Размышлял, как ему исхитриться

и увидеть предстоящий ночной разгул. Как обмануть мать и стать если не участником, то хотя бы безмолвным наблюдателем. Раньше у него было укромное местечко с неприметным оконцем, через которое он, затаившись, подсматривал за происходящим. Но мать рассекретила, заколотила. Молча, не пеняя, не стыдя. Теперь нужно организовать новое убежище, а времени у него не так много.

Беспрепятственно он мог наблюдать только дневную деятельность «заезжих», ночная была под запретом. Днём он не просто празднично шатался по подземелью, он контролировал работу. Тщательно следил, чтобы все трудились усердно, без усталости, без халтуры. Проверял качество работы и скорость. В новых помещениях не должно быть недостатка. *Заблудившиеся* приезжают практически регулярно, потому территорию нужно непрерывно расширять.

Женщина поставила перед сыном поднос с дымящейся чашкой и уже протянула руку, чтобы расправить его спутавшиеся рыжие спиральки и смахнуть с щеки такого же задремавшего бражника, но остановилась. Она озабочено смотрела на сына: умиротворённая мордашка, лоб гладкий, несосредоточенный, губы не поджаты – дрыхнет без задних ног. А мысли так и роятся, так и мельтешат. Лукавые, по-взрослому расчётливые. Так и проступают на его покатом гладком

лбе каиновой печатью. Она развернулась и бесшумно удалилась.

Паренёк так глубоко увяз в своих замыслах, что даже не заметил прихода матери. Увидел только чашку с душистым борщевиком. Повёл носом, фыркнул и шумно отхлебнул. Вторым глотком осушил чашку и прокрался в дом. Спустился в бункер в поисках нового схрона. Он припомнил, что «ночной» зал тоже расширялся, а ремонтные работы были в самом разгаре. Значит, где-то есть лазейка.

Чертёнок нашёл её сразу – в вентиляционном отверстии мальчик его комплекции поместится без труда и ущерба для осанки. И обзор то что надо! Мать будет править бал ночью, а, значит, некому за ним уследить. Чёртик торжественно заверещал и, весело подсакивая, направился к выходу. Вряд ли, думал он, увиденное ночью будет чем-то отличаться от тех, предыдущих беспутств, но сегодня частью этого разнузданного и ненасытного копошения будет она – девушка с розовыми волосами...

Всё свершилось и сошло Чертёнку с рук. Мать его не послала, только зашла пожелать спокойной ночи. Мальчик выждал с полчаса, выпрыгнул из кровати, соскоблил с тельца фланелевую пижаму и переоделся в чёрное. Бесшумным и невидимым ниндзя он скользнул в бункер, забрался в вентиляционную нишу, настроил самодельный бинокль и затаился.

Вечеринка-вакханалия была в самом разгаре. Чёртик не стал сразу искать в толпе извивающихся-содрогающих-

ся тел знакомые лица сегодняшних прибывших. Он поглощал зрелище целиком: фантасмагорические корчи, изгибы, прогибы, выгибы, неправдоподобные акробатические трюки, скотские, уродливые и притягательные. Хитросплетение потных, распалённых, полу- и обнажённых тел, вибрирующие в мышечных спазмах чресла, хватающие воздух рты, разорванные в криках, столах, воплях разочарования, яростном рычании и плаксивом скулеже. Чертёнок и раньше видел это свирепое смешение тел, отбивающихся рук, скрестившихся ног, спутавшихся волос. Жмурился и широко открывал глаза, рассматривая, как женщины седлают мужчин, а мужчины терзают женщин и друг друга, расцарапывая спины, ягодицы и бёдра. Что-то похожее он смотрел по телевизору на «дискавери», но там вонзались друг в друга звери, а тут... Впрочем, мальчик уже не видел разницы.

Он мотнул головой и сфокусировался на деталях. Вот мать, управительница блудящего вертепа, вышагивающая мимо бьющихся как в лихорадке тел, сплетённых змеиным клубком, перешагивающая через раскоряченных на четвереньках, блюющих развратников, отравившихся похотью. Разносит алкоголь, траву и снежно-белый порошок, насыпанный ровненькими горками, как кучевые облачка. К подносу тянутся десятки, сотни алчущих рук, ухоженных, с ярко-красным маникюром или потрескавшиеся, с облупившимся лаком и изжелта-синими ногтевыми пластинами. Мать заливает ледяной хмель прямо в распахнутые ковша-

ми глотки. Складывает губы трубочкой-жерлом и выдыхает, поджигая косячки в окривевших от сладострастия ртах.

Вот тот самый, сегодняшний пижон Пупсик, в накрахмаленной сорочке, разорванной на груди, безвольной куклой разбросался на диване. Смятые брюки валяются рядом. Пуговицы уже растащены и проглочены неразборчивыми хищными шлюхами. Уложенное лучшим барбером каре топорщится вороньим гнездом. Остекленевшие глаза остановились на поблёскивающем в пупке пирсинге у скачущей на нём обкуренной молодой девахи. Вторая, чуть постарше и попотрёпаннее, сидит в изголовье и водит руками по его впалой безволосой груди, выкручивает, как колёсики приёмника, его соски. Опрокидывает свою голову назад и гортанно хохочет. Третья, лет шестидесяти, золотозубая, с искусственным загаром, выжженными «супрой» волосами, как изголодавшаяся шавка, вылизывает его ступни, обсасывая напедикюренные пальцы. Пупсик закатывает глаза и протяжно мычит. Вокруг дивана столпилось несколько десятков одурманенных мужчин и женщин, жаждущих урвать свой кусок свежей проклятой плоти.

Тошнота комочком иголок подкатила к горлу Чёртика. Он сделал глубокий вдох и снова всмотрелся в агонизирующий человеческий муравейник. В дальнем углу он заметил её. Девушка, вжимаясь в стену, затравленно озиралась по сторонам. Жирный, заросший густой чёрной порослью гориллоподобный мужик в полуспущенных трусах надвигал-

ся на неё, косоротом скалясь и рыча. Он сграбастал девушку в обезьяньи объятия, одной рукой разрывая футболку на её груди. Она отчаянно отбивалась, но волосатая глыба расплывалась ещё сильнее. Его ручища уже всю шарили по обнажённой груди девушки, ошметки разодранной футболки болтались по бокам. Чёртик, сжав зубы, не отрываясь следил за происходящим. Глаза прикинули к окулярам бинокля, врезающимся в кожу. Он радостно вскрикнул, когда разглядел, как *его Гвен* наклонилась к лицу гориллы и укусила его за ухо. И тотчас же поддала ему коленом в пах. Мужик взвыл и мешком повалился на пол.

Она, придерживая края разорванной футболки, решительно рассекала беснующуюся толчею, отмахивалась от липких, хватких щупальцев, протягивающихся к ней со всех сторон. Пока не набрела на окольцованный сотрясающимися от рукоблудия телами диван, где распластался её парень. Пупсик, облепленный хихикающими шлюхами, безучастно смотрел в потолок. Между ног у него равномерно двигалась вверх-вниз лысая татуированная мужская голова. Крупные пальцы в золотых перстнях по-орлиному цепко сжимали обмякшие колени Пупсика. Девушка растолкала толчею мастурбирующих зевак и обкуренных шлюх, наклонилась над бойфрендом и принялась иступлённо хлестать его по щекам. Бритоголовый оторвался от своего занятия и осоловело рассматривал розоволосую девушку в разорванной футболке.

Пупсик с трудом расклеил глаза и, вывалив язык, промямлил (а Чёртик прочитал по губам):

– Отвали от меня, сука...

Зеваки взорвались пьяным смехом, противным, как стариковское хныканье. Чьи-то руки теперь потянулись к девушке, заелозили по её обнажённой груди.

Вдруг все притихли и расступились. Девушка обернулась – позади неё колоссом выросла Хозяйка и, приобняв её за плечи, увела из зала. Чертёнок, взмокший от напряжения, расслабленно выдохнул. Отложил бинокль и опустил голову на руки.

Он вспоминал свои первые впечатления от массовой ночной оргии. Возрастающий интерес вперемешку со страхом, острое, даже агрессивное возбуждение и чувство непреодолимого и гадкого стыда. И руки. То правая, то левая. То обе сразу. Они почему-то его совершенно не слушались. Как две приткие и любопытные змейки, они скользили под резинку его безразмерных, пришпиленных булавкой боксеров и варварски душили его третью, беззащитную и безотказную. Чертёнок устыжался и что было сил приказывал рукам остановиться и вернуться обратно.

А сейчас, в этот раз, он испытывал отвращение и какую-то тягостную, изнурившую его тоску. Ему было жаль розоволосую фурию «Гвен», отчаянно сопротивляющуюся растлевающей бесповоротной действительности. И вместе с тем он чувствовал, как что-то навалилось ему на грудь, сдрави-

ло сердце, стянуло, запылало раскалёнными углями. Его болезненно скрутило и вырвало. Чёртик сморщился от горьковатого привкуса борщевика и безнадёги. Утёр рот и пополз к выходу.

Вернувшись в комнату, он, не раздеваясь, лёг на кровать, укрылся лоскутным одеялом и сорвался в пропасть муторных, уродливых видений.

– Ты плохо спал, сын? – обеспокоенно спросила мать за завтраком. – У тебя глаза ввалились. Нельзя смотреть столько снов.

Чертёнок, отгоняя от лица настырных бражников, откликнулся не сразу. Булькнул чем-то нечленораздельным в ответ, поворачивал глазами и тяжело вздохнул.

– Кофе остынет. И ватрушки.

Мальчик лениво потянулся за чашкой. Широко зевнул и внимательно посмотрел на мать.

– Удалась вечеринка? – с деланным равнодушием спросил он, примеряясь к ватрушкам.

– Пожалуй. Новеньких неплохо встретили. Если ты об этом спрашиваешь. Мужчина полностью освоился и принял правила. А девушка... она со временем тоже привыкнет.

Чёртик залился краской и отвернулся, смущаясь матери. Дожевал ватрушку, допил кофе и решил спросить:

– Ма, а кто-нибудь отсюда уезжал? Ну, обратно?

– Уехав отсюда, сюда же и вернёшься. Да и какой смысл уезжать? Тут всё, как и там, откуда они приезжают.

– Но они несвободны...

– Ты так считаешь? Хм. – женщина сложила руки на коленях и посмотрела вдаль. – Как раз свободны, дружок. От обязательств, стремлений, амбиций, ответственности. Ты сам видел и знаешь: утром-днём они работают, а вечером отдыхают. Без запретов и пределов. И никакого порицания. Думаешь, кто-то захочет вернуться туда, где за всё это нужно платить и нести ответственность?

Чертёнок размышлял. Накручивал рыжий завиток на палец и рассматривал кофейную гущу на доньшке чашки. Вдруг спохватился, подпрыгнув в кресле:

– Я понял, мамк!

Женщина хитро прищурилась и посмотрела на сына.

– Их выпихивают сюда, выплёвывают. Ну, это... Жизнь! Она отхаркивает их, как сгустки пыли с лёгких. Как, помнишь, я несколько дней назад поперхнулся рыбьим хвостом. Ты жарила камбалу без кляра. Я больше люблю в кляре – она хрустит и не такая затхлая на вкус. Я ел быстро, почти не жевал, чтобы поскорее её проглотить и добраться до десерта. Хвост был жёсткий, как занозистый. Зацепился в горле. Помнишь, ма?

Женщина кивнула. Она смотрела на сына сосредоточенно и серьёзно. Мальчик продолжал:

– Я закашлялся, что даже слёзы брызнули. Всё никак не мог вытолкнуть, сплевать этот сраный камбалий хвост. Потом ты стала похлопывать меня по спине и массировать мне горло. Вот тогда эта штука из меня и выскочила! Я уж думал, что помру!

– Ну-ну! – женщина ласково потрепала сына по плечу.

– Вот и с *ними* так. Они, как это рыбий хвост, застряли в глотке у жизни. Она терпела-терпела, краснела и раздувалась. Собралась с силами и сплюнула их. Они сами ей помогли. Скреблись, шкрябали, щекотали её изнутри, раздражали протухшей вонью. Вот и вылетели. Прямо на обочину. Туда, куда никто не смотрит и где они могут лежать, разлагаться в своё удовольствие, огрубевать. А мы их подбираем.

Мальчишка отдышался, скрестил руки на груди и с важным видом уставился на мать.

– Совсем ты у меня взрослый, дружок. Значит, можно не беспокоиться. Будет кому позаботиться обо всём, о хозяйстве. В будущем.

Она вытащила из кармана своего фартука блестящий предмет и протянула мальчику:

– Держи. Я заметила, как ты на них смотрел.

На ладони матери лежали новенькие «ролекс». Те самые, что красовались вчера на запястье Пупсика. Чертёнок расплылся в улыбке, погладил бликующий циферблат и нацепил часы на руку.

– Я справлюсь, ма! С хозяйством. Вот только...

– Что?

– Не обижайся, но вывеску придётся переделать. Не сгодится «Чёртова мать»! Я ж мужчина! – вскочил он с кресла и расправил плечи.

– Конечно, ты прав. Повесишь другую. «У чёрта на рогах» – как тебе?

Чертёнок согнулся пополам и забряцал балалайкой. Отсмеявшись, клюнул мать в щёку и поскакал к двери.

– Эй! – окликнула она. – Ты не видел мою новую щётку для мытья полов?

– Неа. – протянул он, не оглядываясь, и умчался.

Женщина осталась на террасе. Она задумчиво кивала головой, грустно улыбаясь:

– А мы их подбираем...

Чертёнок прибежал в свою комнату. Достал из-под дивана материну щётку. Перебрал пальцами белые ворсины, понюхал, любовно погладил жёсткие искусственные волоски и заурчал от удовольствия. В ведёрке развёл раствор марганцовки и окунул в жидкость насадку. Щетина окрасилась в нежно-розовый цвет. Вырезал из картона окружность, напоминающую по форме овал лица, в центре которой яркими маркерами нарисовал два глаза. Несколько раз обвёл их чёрным цветом. Вывел закорючку – нос, а под ним долго прорисовывал, не жалея бордовых чернил, пухлый чувственный рот. Наклеил «лицо» у основания рукоятки, где она скрепляется

с щёткой, и удовлетворённо прищурился.

Если бы мать случайно зашла в комнату Чёртика, она бы стала свидетельницей неожиданной диско-вечеринки. Вероятно, она бы осуждающе покачала головой или, наоборот, от души рассмеялась бы, увидев, как вытанцовывает её пластичный сын, ловко подбрасывая изящную партнёршу или вальсируя с ней. Как самозабвенно оба, мальчик и щётка с розовым ворсом, отдаются синтетическим ритмам New Order, пульсирующим из динамиков музыкального центра. И уж точно она бы залюбовалась гуттаперчевой хореографией сына: ножки-прутики дрыгались-семенили вразлад с ручками-веточками, курчавая голова на тонюсенькой, как у курёнка, шее оборачивалась вокруг своей оси неугомонным волчком. Беспрекословная щётка бесстрашно летала из одной руки в другую, прижималась хрупким пластиковым корпусом к партнёру, взмывала вверх, переворачиваясь и кружась в воздухе. И совершенно точно мать бы изумилась, узнав, что и вокальные способности талантливого сына ничуть не уступают танцевальным.

Не теряя ритма и контакта с партнёршей, мальчик упоённо горланил, подпевая вокалисту:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.